

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

MONGOLICA

Памяти академика
Бориса Яковлевича
ВЛАДИМИРЦОВА
1884 – 1931

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1986

Редакционная коллегия

А. Н. КОНОНОВ (председатель), Л. К. ГЕРАСИМОВИЧ,
С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ, Е. И. КЫЧАНОВ, А. Г. САЗЫКИН,
В. М. СОЛНЦЕВ

В сборнике, посвященном памяти выдающегося советского ученого-монголоведа Б. Я. Владимирцова, представлены статьи, тематически связанные с кругом важнейших проблем монголистики, исследованием которых занимался Б. Я. Владимирцов. В статьях рассматриваются вопросы языкознания, литературоведения, филологии, истории, письменного наследия монгольских народов.

М $\frac{1402000000-164}{013(02)-86}$ 61-86

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1986.

А. В. Кудияров

**СТИЛЬ «ТАЙНОЙ ИСТОРИИ»: ИМПЛИЦИТНОСТЬ,
ВАРИАЦИЯ, РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ, ПОДХВАТ**

Мы ставим задачу выявить и осветить комплекс тех стилевых явлений, которые лежат в основе первого дошедшего до нас крупного памятника монгольской письменности — «Тайной истории монголов» (*Mongγol-un niγuša tobčiyān*), датируемой 1240 г. Известно, сколько внимания уделялось и уделяется его изучению в МНР, у нас в стране и за рубежом. Известен и тот большой вклад, который внес в это изучение академик Б. Я. Владимирцов, чьей памяти посвящен настоящий сборник.

Под стилем — применительно к произведениям словесного искусства — мы понимаем систему композиционных принципов построения и совокупность художественных средств и способов изображения. Комплекс традиционных стилевых явлений формируется в каждой национальной поэтической культуре, выступая ее устойчивым характеризующим признаком. Он наглядно представлен в фольклорной традиции и в письменной, опирающейся при своем сложении на фольклорную и как бы вырастающей из нее. Таковую письменную традицию и демонстрирует «Тайная история».

Выявление и описание стилевой системы как отдельного произведения, так и национальной фольклорной и письменной традиции в целом представляется необходимым по следующим соображениям. Во-первых, установление стилевых закономерностей в произведениях искусства слова важно так же, как и вообще установление закономерностей, лежащих в основе любого достаточно сложного явления, любой внутренне организованной системы определенных связей и отношений. Во-вторых, раскрытие стилевых особенностей произведения позволяет наглядно представить его художественную специфику, как и специфику поэтической традиции, в русле которой оно складывалось. Это особенно важно при переводе произведения на другой язык, предполагающем достоверное отражение сути и духа подлинника, а тем более на язык с иносистемной стилевой совокупностью и образностью. В-третьих, знание стилевых закономерностей повествования помогает решению текстологических проблем, способствуя расшифровке встречающихся в произведении слов и выражений с затемненной семантикой или по крайней мере

указывая верное направление для их расшифровки. И последнее: установление стилиевой типологии национальной фольклорной и письменной традиции позволяет решать вопросы их внутреннего развития и взаимодействия, как и взаимодействия их с традициями других народов, на более глубоком уровне, чем тот, на котором отмечаются лишь совпадения отдельных слов, выражений, образов.

В системе стилиевых явлений мы различаем *стилеобразующие факторы* и *стилевые приемы*. К первым относим закономерности повествования, присущие природе самого языка, реализуемые его носителями в речи и на письме, в произведениях фольклора и литературы «автоматически», бессознательно, в силу прочно установившихся традиций речевой культуры. Один из таких факторов — имплицитность — рассматривается ниже. Стилиевые приемы предполагают сознательное использование, выбор тех или иных фигур речи для усиления выразительности высказывания; умелое владение ими — показатель профессионального мастерства художника слова. Три таких приема — вариация, высокий стиль и репрезентативность, подхват — рассматриваются далее.

* * *

Перевод отрывков из «Тайной истории» принадлежит нам. При этом указываются соответствующие параграфы, на которые поделен монгольский текст в издании С. А. Козина [Козин, 1941]. В целях экономии места подлинник цитируется лишь в достаточном для показа рассматриваемого стилиевого явления минимуме, причем в графике упомянутого издания с одним изменением: звук *q* передается нами через *g*.

Раздел о стилиевом явлении заканчивается примером неточного или ошибочного перевода монгольского текста С. А. Козиным и Н. П. Шастиной [Шастина, 1973]¹, вызванного невниманием к его стилиевым особенностям. Исходя из стилиевой проблематики настоящего исследования, мы стремились точно передать стилиевую специфику монгольского текста (сохраняя по возможности и характер его членения на предложения), расширить объем комментариев, учитывая архаичность языка памятника и тесную связь стилиевой проблематики с его текстологией. При этом часть пояснений мы вводим в перевод, помещая их в круглые скобки. Причем пояснение к предыдущему слову (одному) дополнительно не обозначено; если же пояснение относится к сочетанию слов, перед первым из них ставится значок «*». Такое же обозначение комментируемых слов сохраняется и в подстрочных примечаниях.

---

¹ Мы привлекаем этот памятник — «Алтан тобчи» — потому, что в подавляющей своей части он воспроизводит подлинный текст «Тайной истории», до нас не дошедший.

Имплицитность

Имплицитность — такое стилевое явление, когда информативное содержание не выражается в тексте словесно, а подразумевается.

Имплицитность — характерная особенность языка монголоязычной письменной и устной (фольклорной) традиции. При переводе памятников этой традиции на другие языки подразумеваемое содержание, естественно, должно «восстанавливаться» словесно — во избежание ошибочного восприятия читателем соответствующих мест текста².

В качестве примера приводим начало эпизода об угоне коней, принадлежащих семье юного Темуджина (будущего Чингис-хагана):

Однажды возле юрты находился табун из восьми соловых коней; явились грабители, угнали их на глазах /хозяев/. /Те/ бросились пешими /вдогонку, но/ отстали. Бельгутаи же отправился /до этого/ на Куцем чисто-буланом /коне/ ловить тарбаганов. Вечером, после захода солнца, появился Бельгутаи, ведя в поводу Кушего чисто-буланого, нагруженного тарбаганами. Ему рассказали о похищении табуна соловых; Бельгутаи говорит: «Я отправлюсь в погоню!» (§ 90)

Общий объем имплицитной информации в «Тайной истории» довольно велик. Типичный образец ее повествовательной манеры — рассказ о том, как Мунлик отговорил Чингис-хагана от поездки на предсвадебный (сговорный) пир по случаю выдачи принцессы союзного племени Меркитов³ за сына Чингиса — Джочи (на этом «пиру» замышлялось убийство хагана):

Будучи приглашенным, Чингис-хаган выехал с /отрядом/ десять человек, в пути заночевал у Мунлика-отца⁴; тут Мунлик-отец сказал: «Когда /мы/ просили /руки/ Чаур-беки, они унизили нас, не отдав /ее за Джочи/. А сейчас почему-то приглашают на сговорный пир. То они высокомерничали, то приглашают, соглашаясь выдать /ее замуж/. Хорошее ли задумали /они/? Сынок, подумав, поедешь ли /ты/?» /Хаган согласился с ним/: «Пошлю /людей вместо себя/, сославшись на то, что весна только наступила, наши лошади тощи⁵, надо откормить лошадей». Не поехав /сам/, а послав Бухатая и Хиратая на сговорный пир, Чингис-хаган из юрты Мунлика-отца отправился к себе. Когда Бухатай и Хиратай прибыли /к приглашавшим, те/ решили: «Нас подозревают! Завтра утром схватим, свяжем /хагана!» (§ 168)

Особенно часто в монгольском тексте «опускаются» имена действующих лиц и местоимения (такое явление можно назвать «персоналимплицитностью»). Приведем эпизод о похищении Есугая

² Имплицитное содержание, восстанавливаемое при научном переводе, заключается в косые или ломаные скобки.

³ Названия племен и родов в русском переводе выделяем вслед за С. А. Козиным прописной буквой.

⁴ Отец — ласковое прозвище Мунлика, который по просьбе умирающего Есугая (отца Темуджина) опекал его малолетних детей, помогая овдовевшей Оэлу.

⁵ Как и многие другие степняки-скотоводы, монголы в прошлом корма впрок не заготавливали. Поэтому скот за зиму сильно тошал — тебеневка не обеспечивала полностью его потребности в подножном корме.

гаем Оэлун (от брака с нею родился Темуджин), выделяя курсивом подразумеваемых персонажей:

В то время Есугай-баатур охотился на птиц по реке Онон и повстречался с Меркитским Йехе-Чиледу, взявшим в жены девушку из племени Облхонут и везшим /*ее*/ к себе. /*Есугай*/ заглянул сверху /в повозку/, увидел необыкновенно красивую девушку-хатун, помчался к себе домой, а вернулся в сопровождении своего старшего брата Негун-тайджи и младшего — Даритай-отчигина. Когда /*они*/ приближались, Чиледу испугался, а был /*он*/ на Быстром соловом /*коне*/. Нахлестывая по бокам своего Солового, /*Чиледу*/ помчался к перевалу; за ним погнались /*те*/ трое (§ 54—55).

В эпизодах с участием центрального персонажа «Тайной истории» (Темуджина — Чингиса) повествование фокусируется на нем, ведется в соотнесенности с ним, причем эта соотнесенность чаще всего не выражается словесно:

Выслушав это, Чингис-хаган поверил словам Бадая и Кншлика; известив находившихся поблизости верных людей, /*он*/ налегке, бросив все, /что не нужно в дороге/, ночью двинулся в путь. Двигаясь по гребню Магуских гор, /*хаган*/, доверяя Урянхайскому Джелме-хоа, отрядил его в качестве караульного заслона позади себя, на горный гребень; /*сам*/ же, продолжая движение, назавтра, когда солнце склонилось за полдень, добрался до Песков-Харагалжит, сделал привал. Во время привала Алчидайский табунщик Чигитай-Ядир, перегоняя своих пасущихся коней с места на место, к травам, увидел позади пыль от /конницы/ врага, которая стелилась по южному склону Магуских гор, захватывая /урочище/ Хулан-Бурухат. Решив, что приближается враг, /*он*/ погнал своих коней, прибыл /к *хагану*/. Услышав, что приближается враг, глянул /*хаган*/: пыль стелилась по южному склону Магуских гор, захватывая Хулан-Бурухат. «Это Ван-хан преследует /*меня*!» — говорит. Увидев пыль, Чингис-хаган, велел привести /*и*/ навьючить своих коней, отправился в путь (§ 170).

Завершая данный раздел, заметим, что адекватный научный перевод «Тайной истории» (как и других произведений монголоязычной словесности) должен строиться с учетом рассмотренного стиливого фактора, особенно с учетом персонимплицитности, фокусируемой обычно на центральном персонаже. В противном случае смысловое содержание оригинала не будет раскрыто в должной мере. При таком подходе обнаруживается расхождение предлагаемого перевода отрывков из «Тайной истории» с соответствующими переводами С. А. Козина (§ 90, 168, 54, 170) и Н. П. Шастиной (с. 79, 140, 62, 142), в чем легко убедиться при их сопоставлении.

Вариация

Вариация — параллельный синонимичный повтор высказанной мысли⁶. Такой повтор особо выделяет варьируемую мысль, акцентирует на ней внимание, усиливает ее содержание и эмоциональное воздействие.

⁶ О вариации в монголоязычном и тюркском фольклоре см. наши работы [Кудияров, 1982; 1983, с. 93—125; 1984, с. 25—36].

Вариация — ведущее стилевое явление «Тайной истории». Более того, в поэтических частях этого памятника, в большинстве своем состоящих из стихов, вариация появляется столь регулярно, что ее можно считать стилевой универсалией исследуемого произведения.

Вариацию мы подразделяем на два типа: простую и усложненную. Наиболее распространенный вид *простой вариации* — двукратный. Приведем два фрагмента из описания похищения Есугаем чужой невесты Оэлун. Каждый стих с одной и той же варьируемой темой пометим одной цифрой (в круглых скобках) с буквенным обозначением соответствующего стиха («а», «б»). Разъясним контекст: Оэлун видит, с каким упорством трое всадников преследуют ее жениха, и советует Чиледу спастись бегством, одновременно утешая его:

- (1а) Будешь жив — будут
 Девушки в каждом крытом возке,
 Супруги в каждой повозке с навесом;
 (1б) Будешь жив — девушку-супругу найдешь.
 <...> Спасай свою жизнь! (§ 55)

Разлученная с женихом Оэлун тревожится за Чиледу, едва скрывшегося от погони в степной дали, и за свою судьбу:

- «Почтенный мой Чиледу!
 (2а) Ветер треплет кудри твои,
 (2б) В степи голодает чрево твое!
 Что теперь будет?»
 Обе косы свои
 (3а) То забросит за спину,
 То забросит на грудь;
 (3б) То /забросит/ вперед,
 То назад.
 «Что теперь будет со мной?»
 Когда рыдала таким громким голосом,
 (4а) Что по Онон-реке волны пошли,
 (4б) Что в чаще лесной эхо звучало,
 Даритай-отчигин, ехавший рядом, сказал:
 (5а) «Твой любимый (букв. обнимаемый) много
 перевалов перевалил,
 (5б) Твой оплакиваемый много вод преодолел.
 (6а) Как ни плачь, /он/ не увидит тебя;
 (6б) Как ни ищи, не найдешь ты его и следа.
 Успокойся!» — убеждал (§ 56).

В приведенной цитате варьируются следующие темы: возможность найти спутницу жизни (1а—1б); скитания в степной глуши (2а—2б); образное описание отчаяния (3а—3б) и скорби (4а—4б) разлученной с любимым женщины; увещевание Оэлуна с упором на тщетность скорби по человеку, навсегда вычеркнутому из ее жизни (5а—5б; 6а—6б).

Вариация может быть трехкратной. Вот как варьируется тема упорной, неустанной деятельности в § 53:

- Мстите за меня,
 (1а) пока ногти с пяти пальцев своих не сотрете,
 (1б) пока ногти с десяти пальцев своих не сотрете;
 (1в) пока десять пальцев своих не потеряете!

Усложненная вариация представлена в «Тайной истории» многократной вариацией, посредством которой может передаваться особый накал эмоционального переживания персонажей.

Приводим отрывок с максимальным в исследуемом произведении числом вариативных стихов; в них варьируется обозначение жестоких в своей ярости животных. Контекст таков: Оэлун по лицам вошедших в юрту сыновей догадалась о том, что они убили родного брата (родного по отцу, но от другой его жены), с которым всегда враждовали. Оэлун в гневе:

Убийцы!
 Этот выходил
 Из тепла моего,
 В руке своей сгусток крови
 Сжимая,— /жестоким/ родился?!
 Вы убили его
 Как *злые собаки⁸,
     свое брюхо кусающие!
 Как хищные птицы,
     на скалы бросающиеся!
 Как львы,
     что не в силах унять свою ярость!
 Как мангусы⁹,
     стремящиеся живьем проглотить!
 Как кречеты,
     на тень свою нападающие!
 Как шуки,
     незаметно /подкравшись/, заглывающие!
 Как верблюды-самцы,
     связки ног у своих верблюжат кусающие!
 Как волки,
     в дождь нападающие!
 Как турпаны,
     своих же птенцов поедающие,
     своих же птенцов не в силах за собой увести!
 Как шакалы,
     свое логово, когда оно потревожено, защищая,
     /кидающиеся!/
 Как барсы,
     без промедления хватающие!
 Как псы сторожевые,
     без разбору бросающиеся! (§ 78)

Приведенные примеры — небольшая часть стихотворных фрагментов, общее число которых в «Тайной истории» превы-

⁷ Речь идет о Темуджине. Согласно поверью, родившийся со сгустком крови в руке станет в будущем могучим, но жестоким властителем.

⁸ В оригинале: *qasaq bogai*. По нашему мнению, слово *хасар* применительно к хорошей, злой собаке в монголоязычном фольклоре (как и в фольклоре некоторых сибирских тюрков) — общее с якутским условным («подставным») обозначением собаки *хасар* — букв. 'копающая' (от *хас* - 'копать').

⁹ *Мангус* — свирепое чудовище, противник положительного героя в монголоязычном фольклоре.

шает тысячу. Вариация часто выступает в них таким же структурным элементом стихообразования, как и аллитерация — звуковое единоначатие смежных стихов. Более того, иногда именно вариация придает неаллигированным фрагментам текста стихотворный вид. Два примера:

(1a) Как хаган всех /монголов/ (qatugun qagan),

(1б) /как/ владыка народа (ulus ejen bolju),

дочь свою /замуж/ я провожал самолично — за меня отомстите: схвачен Татарами я! (§ 53)

Найманы надменные слова говорят:

(1a) «Народ /наш/ велик (ulus yeke-tu),

(1б) людей /у нас/ много (irke olotu)!»

А разве нам трудно за эти их надменные слова выступить, напасть на них, колчаны их взять? (§ 190)

Вариация в «Тайной истории» встречается обычно в прямой речи, редко — в авторской. К примеру, автор «Тайной истории» заключает гневный монолог Оэлун, обращенный к сыновьям, убившим своего брата (см. выше), ремаркой:

Так она,

(1a) слова старинные говоря (букв. распарывая),

(1б) слова древние приводя (букв. бросая),

сыновей своих резко судила (§ 78).

В проблематике происхождения вариации как стилового приема важными представляются следующие моменты. Во-первых, вариация связана с простым («механическим») повтором высказанного содержания. Справедливость такого вывода подтверждают «переходные формы» от простого повтора фразы к ее синонимичному варьированию с незначительными изменениями в лексике. Приведем вариативный ряд (четырёхкратный), комментируя либо выделяя такие изменения:

Гун-ва со своими сыновьями Мухали и Бугу встретился с /хаганом/, передал /их ему/, говорит:

(1a) «Пусть станут слугами

У твоего порога!

Если от твоего порога

Уйдут,

Связки их ног перережь¹⁰!

(1б) Пусть станут *наследными* слугами

У твоего *полога*¹¹!

Если твой *полог*

Покинут,

Печень им

Вырежь!»

Чилаун-Хайчи тоже встретился с Чингис-хаганом, /передал/ своих сыновей Тунге и Хаши, говорит:

(1в) «Я отдаю, чтобы /они/

¹⁰ Перерезать связки ног (стопы или голени) — тем самым лишить наказуемого возможности передвижения.

¹¹ В прошлом дверью в юрте служил полог из нескольких слоев кошмы, приподнимаемый при выходе и входе в юрту.

*Постоянно пребывали у твоего *золотого* порога¹².
 Если от твоего *золотого* порога
Отделятся, уйдут,
Жизнь их прерви!
 (1г) Я отдаю, чтобы /они/
 *Широкий полог твой поднимали¹³.
 Если от твоего *широкого* полога
Прочь уйдут,
 Вырви их *сердце!*» (§ 137)

Во-вторых, глубокому освоению монголоязычной поэтикой приема вариации могла способствовать устойчивая практика устной передачи традиционных знаний (от учителя к ученику) и оперативных сообщений (от отправителя к получателю) задолго до появления у монголов письменности. Передаваемые сведения облекались при этом, как правило, в стихотворную форму; их значение особенно возрастало во время войн. Уже с эпохи ранних кочевников носители монгольской речи вовлекались в крупномасштабные боевые действия, исход которых зависел и от своевременного получения необходимых сведений союзными войсками, действовавшими на обширных степных территориях. Как свидетельствуют источники, связь между союзниками осуществлялась через конных гонцов посредством «рифмованных депеш»¹⁴. Чтобы такие послания не были забыты гонцами, их содержание варьировалось (что предполагало достаточно высокий уровень поэтической техники); в этом, в частности, нас убеждают и тексты «устных писем», фиксированных в «Тайной истории».

Перечисленные обстоятельства могли сыграть особую роль в становлении фразовой синонимии в качестве одного из ведущих стиливых принципов монголоязычной поэтики.

Учет вариации может способствовать устранению ряда текстологических затруднений, возникающих при исследовании и переводе памятников монголоязычной словесности, если следовать принципу: при расшифровке неясного слова, встречающегося в вариативном ряду, необходимо принять во внимание значения его вариативных аналогов в этом ряду. Заметим, что русские переводы исследуемого памятника страдают неточностями, ошибками и при передаче его вариативных, по нашей стилиевой классификации, мест. Для примера возьмем отрывок из § 147, в котором трижды варьируется готовность броситься в битву, все сокрушая на пути, во исполнение воли владыки:

На это Джебэ сказал: «С горы я стрелял. Если теперь хаган велит /меня/ убить, что ж, *землю всего лишь с ладонь /кровь/ омочит¹⁵. Если же позволено будет,

¹² Т. е. были бы слугами.

¹³ См. примеч. 12.

¹⁴ «В давние времена у монголов был обычай большинство посланий передавать [устно] искусно рифмованной и иносказательной речью. Таким именно способом передали известие устами этого посла» [Рашид ад-Дин, 1952, с. 117].

¹⁵ Т. е. невелика потеря от моей гибели; этой поговоркой высказывается презрение к смерти.

- (1а) Впереди хагана¹⁶
 Буду так нападать,
 Что иссякнет вода в роднике,
 Камень блестящий рассыплется!
- (1б) Укажешь место, которое надо достичь,
 /Буду так нападать/, что гладкий камень расколется!
- (1в) Когда сказано будет „вперед!“ (букв. отправляйся!),
 Буду так нападать,
 Что камень-валун раскрошится!»

Эти стихи в подлиннике:

- (1а) Qaap-o emune
 Coel usun-i hoqtoru
 Caoken čilaoun čaogu
 Dobtulju oksu
- (1б) Kur keeksen gaJar-a
 Koko kuru keuru
- (1в) Gar keeksen-tur
 Qara kuru qanqaru
 Dobtulju oksu

Приводим этот отрывок в прозаическом переводе А. С. Козина, выделяя неточности курсивом, а ошибку, вызванную неучетом вариативности оригинала, — разрядкой: «Если же хан *на* то соизволит, то *вот как послужу ему: Перескочу* тинистые воды, *с налету* разобью бел-камень. По приказу „вперед“ — синь-камень сокрушу. По приказу „отбой“ — черный камень в прах разнесу». Поясним, что «отбой» — ошибочный перевод слова gar ‘отправляйся’, ‘выходи’, ‘выступай /вперед/’ (в нашем переводе — ‘вперед!’), вариативное упомянутому выше kig ‘достигни /цели/’.

Этот же отрывок в переводе Н. П. Шастиной (с. 117):

Если же хаган дарует /мне жизнь/, то я перед ним
 Вычерпаю ключевую воду,
 Разломаю белый камень,
 В месте, до которого он велит дойти,
 Разломаю синие скалы;
 В месте, которое он велит охранять,
 Вдребезги раздроблю черные скалы!

Высокий стиль и репрезентативность

В системе лексики «Тайной истории» заметно выделяется уровень высокостилевого употребления. Такой уровень словоупотребления обусловлен традицией говорить о возвышенном,

¹⁶ Согласно военной тактике древних монголов, «вожди или начальники войска не вступают в бой, но стоят вдаль против войска врагов» [Карпини, 1957, с. 52]. Командиры же внутривойсковых подразделений часто первыми вступали в схватку еще и потому, что противник именно их стремился поразить в первую очередь. Высказывая пожелание выступить впереди хагана, Джебе демонстрирует беззаветную храбрость и готовность пойти на любые жертвы во имя Чингиса.

заветном «особым слогом», неупотребимым в речи о повседневном, бытовом.

Сферу «высокой» лексики составляют слова архаичные (отчасти табуированного происхождения), иноязычные и слова родного языка с переосмысленным значением.

Стилевую избирательность лексики демонстрируют в исследуемом памятнике описания обрядовых церемоний. Приводим рассказ об унижении матери Темуджина — Оэлун, незадолго до этого лишившейся своего сановитого супруга Есугая (высокостилевую лексику выделяем):

Когда в ту весну супруги-/вдовы/ Амбагай-хагана Орбай и Сохатай отпразднели к (inegu) *Земле предков (yekes-e)¹⁷, выехала и Оэлун-уджин, но прибыла с опозданием и пропустила /церемонию/. Оэлун-уджин сказала Орбай и Сохатай: «Не потому ли, что Есугай-баатур умер, дети мои еще не выросли, вы сделали так, что я осталась без милостей предков, без напитков хмельных (yekes-un kešig-eče bileug-eče sarqud-ača)?» (§ 70)

Поясним высокостилевой характер выделенных слов: 1. Архаичное inegu 'до', 'прежде' употребимо в торжественной речи и на письме. 2. Yekes 'великие', 'большие' в переносном значении — 'предки (умершие)'. 3. Kešig 'милость' — та часть пожертвования предкам, которой они затем «одаривают» участников церемонии. 4. Слово bileug 'особая посуда цилиндрической формы (около метра высоты) для молочной браги' (такое значение сохранилось в западном диалекте бурятского) употреблено здесь как высокостилевое (образное) обозначение хмельного напитка, приготовленного из молока. 5. Sarqud — высокостилевое обозначение вина; слово иноязычное, ср. маньчж. сарху 'полка (в шкафу)', 'поставец (для посуды, прибитый к стенке)'.¹⁸

Приводим заключительную часть описания повторного обряда побратимства Темуджина и Чжамухи (№ 117):

В пышнокронной роше (saqlagar modun-a) на южном склоне Хулдагархун в Хоргонахском урочище /они/, называя друг друга анда¹⁸, братались (amaraldaju), пир-той устроив (toilan), веселились, ночью спали под одеялом одним (в оригинале gaqča 'единственный').

Поясним выделенные слова: 1. В монгольязычной поэтике при описании торжеств (в фольклоре — при описании любых действий главных героев) в тени деревьев традиционно обозначение их пышной кроны: saqlagar modun 'развесистое дерево (или деревья)'¹⁹. 2. Глагол amaralda- 'крепко, сердечно дружить', 'любить' указывает на особую теплоту проявления дружеских чувств и относится к высокостилевой лексике. 3. Слово toila- 'гулять', 'пировать', букв. 'устроить той' (от тюрк. той

¹⁷ Земля предков — место захоронения родичей, близких.

¹⁸ Анд, анда — побратим.

¹⁹ Это же сочетание упоминается в «Тайной истории» и при описании торжеств по случаю избрания Монголами и Тайджигутами нового хагана (§ 58).

‘пир’, ‘пиршество’, тойла- ‘устроить пир’) ²⁰, как раритет в монгольском — высокостилевого употребления. 4. Гагса ‘единственный’ в монгольских языках часто выступает высокостилевой заменой числительного *пигеп* ‘один’.

Автор «Тайной истории», следуя традиции, предпочитает говорить и о рождении человека словами высокого стиля (§ 254):

- (1а) Разве вы родились,
Теплом /материнским/ согретые,
Не из этого чрева?
(1б) Разве вы появились /на свет/,
/Ее/ жаром согретые,
Не из единой сорочки?

Эти слова — обращение к сыновьям Чингиса, один из которых проявил враждебность к своему старшему брату. Выделенное курсивом — образные высокостилевые описания рождения ребенка. Определение *единая* в последнем стихе — перевод слова *гагса* ‘единственный (-ая)’, рассмотренного выше.

Высокостилевой заменой слов обычного употребления со значением ‘жить’ выступает в «Тайной истории» глагол *jirga-* ‘наслаждаться’, ‘благоденствовать’, ‘быть счастливым’:

Так как Бадай и Кишлик принесли /мне/ большую пользу <...> пусть они и потомки их из поколения в поколение *благоденствуют* в дарханстве ²¹ (§ 187).

Высоким стилем говорится о кончине человека. Пример — сетования Ван-хана, властителя Керейтов:

- (1а) Я уже постарел.
Постарев, отойду на вершины.
(1б) Я стал стар.
Старым стал, когда в горы отправлюсь,
Кто станет ведать всем народом /моим/? (§ 164)

Выделенные сочетания — высокостилевые выражения (видимо, табуированной природы) со значением ‘скончаться’. Их происхождение связано с обычаем почетного захоронения на возвышенных местах, в горах. Между прочим, выражение *отправиться в горы (galdut-ta garu-)* соответствует старорусскому «отойти в горняя» — ‘почтить’, ‘умереть’ (высок.).

Высоким стилем говорится и о захоронении уважаемого лица:

Тогда Чингис-хаган велел *возложить его останки* ²² (*yasun ino tal'biulba*) в /местности/ Халха, под нависшей скалой в Орнау (§ 175).

²⁰ Эта глагольная форма отмечена в казахском языке, в койбальском и сагайском наречиях тюркского. Толкование *toila-* как «прыгать, танцевать» от монг. *toyil-* ‘лягаться’, ‘бодаться’ [Козин, 1941, с. 538, 605] ошибочно.

²¹ Дарханство — привилегия за особые заслуги перед родо-племенным коллективом или ханом. Дарханы пожизненно освобождались от уплаты подати и каких-либо отработок.

²² Букв. ‘кости’. Речь идет о захоронении доблестного военачальника Хунлдара.

Стилевое разграничение лексики выступает в «Тайной истории» и средством выделения иерархии персонажей. Значительная часть «высоких» слов относится при этом к избранным лицам, оттеняя их статус на особом стилевом уровне, который мы называем *репрезентативным*²³.

Репрезентативный, т. е. «почтительный», стиль прослеживается уже с первых страниц «Тайной истории» — о кончине предков Чингиса говорится уважительно: *ugaï bolba* 'не стало':

А затем Добун-мергена *не стало* (§ 17); Затем Алан-гоа, матери их, *не стало* (§ 22); После того как Бодончара *не стало* <...> (§ 44)

Репрезентативность выдерживается и при упоминании божества древних монголов Тенгри (Небо как божественная сущность):

Tengeri-de ulu taalagdaqun bida (§ 167) 'нас Небо *невзлюбил*' (в смысле: мы *прогневим* Небо).

Строг и последователен отбор лексики в «Тайной истории» относительно центрального персонажа — Чингис-хагана. Подтвердим это на примере глаголов «говорения», сопровождающих прямую речь Чингиса, его преемника и окружения хагана. Такие глаголы подразделяются на нейтральные по стилю и высокостилевые. Причем, до того как Темуджин был титулован хаганом (верховным ханом) с добавлением к этому титулу тронного имени Чингис (т. е. до § 123), автор «Тайной истории» сопровождает его высказывания глаголами обычного употребления типа *ugulegun* 'говорит', 'сказал'. А начиная с § 145 речь хагана маркируется преимущественно высокостилевым *jarliq bolba* 'повелел'. Причем высокостилевое здесь как *jarliq* 'слово старшего младшему', 'указ', 'повеление', так и внутренняя форма словосочетания *jarliq bolba* — букв. 'повеление стало (указ возник)²⁴. При этом отмечаются случаи перехода и этого сочетания на порядок выше в системе высокостилевой лексики: начиная с § 155 встречается, так сказать, суперрепрезентативный аналог *jarlig bol-* — *jarliq tунqaa-* 'повеление провозгласил'. Примечательно, что оба сочетания не сопровождают прямую речь других персонажей, включая лиц ханского достоинства, а применимы только к Чингису и его сыну-преемнику на посту правителя Монгольской империи — Угудай-хагану (для последнего — после кончины отца, начиная с § 274).

²³ О репрезентативности стиля в эпосе монголоязычных народов см. [Кудряков, 1984, с. 36—44].

²⁴ Репрезентативность этого сочетания и само сочетание *зарлиг болов* (букв. 'указ возник') имеет точное соответствие в языке и речевом этикете древних китайцев. Так, при переводе китайской хроник, описывающей события VI в. и изобилующей словами «указ»: «Император (китайский.— А. К.) послал *указ* с вопросом о здоровье», «*указано* подвести [ближе]», «*указом* сказано» и т. п., Н. Я. Бичурин оговаривает в примечании: «Каждая речь императора называется указом; например, если он желал чашку чаю, то передают слово его: „*Указ! Чашку чаю*“» [Бичурин, 1950, с. 198—199] (выделено нами).

Репрезентативный стиль выдерживается и при передаче прямой речи, обращенной к Чингис-хагану: глаголы «говорения» звучат при этом «почтительно». Причем, когда к хагану обращаются сыновья или военачальники, их речь маркируется высокостилевым глаголом *duṅqatqu* ‘произносить’ (§ 171, 254 и др.), а при обращении к нему приближенных рангом ниже, например сановника-черби (§ 193), одной из супруг хагана (но не первой, не главной: § 254), — глаголом *duṅatqarun*, букв. ‘упомянул’, или сочетанием *duṅatqan osirun*, букв. ‘упомянув, засвидетельствовала’.

Репрезентативный стиль выдерживается и в содержании речевых сообщений, обращенных к хагану: так, обороты типа «если хаган позволит (одобрит и т. п.)» передаются начиная с § 147 традиционным *qagan souyṅqaasu* ‘если хаган соизволит’ (‘если будет /на то/ милость хагана’).

Бросается в глаза репрезентативность словоупотребления и при упоминании о кончине первого властителя Монгольской империи — только о нем в «Тайной истории» сказано особо почтительно: *Tengeri-tur garba* (§ 268) ‘отправился на Небеса’.

В русских публикациях «Тайной истории» высокостилевая лексика часто не передавалась адекватно оригиналу или переводилась ошибочно. Один пример.

Оэлун, невеста Чиледу, которую он вез к себе, но подвергся нападению, тревожась за него, говорит (§ 55): «По лицам их /видно, что они хотят/ *лишить тебя жизни*» (*amin-tur čino kigküi*, букв. ‘коснуться твоей жизни’²⁵). Выделенное курсивом выражение — высокостилевое. Ср. другие переводы этой же фразы: «По лицам их видно, что *дело идет о твоей жизни*» [Козин, 1941]²⁶; «Быть может, эти люди *смогут причинить зло твоей жизни?*» [Шастина, 1973, с. 62].

Подхват

Словесный повтор занимает видное место в стилевой системе «Тайной истории». Рассмотрим один из видов такого повтора — подхват. В поэтике подхватом называют повтор заключительного созвучия, слова или словосочетания в начале следующей фразы или стихотворной строки.

В «Тайной истории» различаем два типа такого повтора. Первый: подхват маркирует конец смыслового периода и начало следующего (что соответствует традиционному делению мон-

²⁵ Слово «жизнь» — перевод монг. *амин* — ‘жизнь как биологический фактор’, ‘жизненная способность организма, проявляющаяся в одушевленности, дыхании’ (соответствует тюрк. *тын*).

²⁶ В переводе С. А. Козина заметна склонность к русификации и модернизации подлинника («дело идет о...»), что вообще характерно для его переводов произведений монголоязычной словесности.

гольского текста на параграфы). Второй: подхват связывает обе фразы в один смысловой период.

Приводим примеры подхвата первого типа, выделяя повторяющиеся части фраз в переводе курсивом и цитируя их на языке оригинала (в скобках). Стык фраз при этом маркируем соответствующим параграфом текста (тоже в скобках):

(§ 37) Старшие и младшие братья, посоветовавшись, выступили в поход, велел *Бодончару идти лобовым*. (§ 38) *Бодончар, идя лобовым* (Bodončar-ı alginči haulgaba. (§ 38). Bodončar alginči haulju), захватил беременную женщину, спросил: «Кто ты?»

Подхват может носить более или менее регулярный характер. Так, в следующем отрывке он встречается трижды.

(§ 22) <...> Затем Алан-гоа, матери их, не стало. (§ 23) После того как матери их, Алан-гоа, не стало (Alan-goа eke apo ugai bolbi. (§ 23) Еке-уѳен Алан-гоа ugai болуqаn-по qоina), пятеро братьев поделили между собой свой скот-пропитание; Бельгунотай, Бугунотай, Буха-Хадаги и Бухату-Салджи вчетвером взяли свою долю, Бодончара же, посчитав глупым, бестолковым, за родича не признали, долю не дали. (§ 24) Бодончар, не признанный за родича (Bodončar-a <...> uruq-a ulu toan qubi ese okba. (§ 24) Bodončar uruq-a ese toaqdaju), подумал: «Что мне тогда здесь делать?», сел на своего Серого
в темных подпалинах,
с ссадинами на хребте,
*с хвостом /как/ стрела²⁷.

<...> вниз по Онон-реке отправился в путь. Будучи в пути (yogciju talbiba. Yогciju), добрался до /местности/ Балджун-арал <...> стал там жить.

Второй тип подхвата представлен в § 175:

Затем Чингис-хаган двинулся из Далан-немургес по Халха-реке; /мы/ произвели подсчет /войска/. Когда произвели подсчет (too tooalduba. Тоо-алулдубасу), оказалось две тысячи шестьсот /человек/.

Подхват здесь не разделяет два смысловых периода, а, напротив, связывает оба предложения в один. Подхватом такого типа избобилуют драматические описания. Одно из них — о пленении Борте — супруги Темуджина, пытавшейся со служанкой Хоахчин убежать от преследователей:

Те воины тут же ускакали рысью. Хоахчин-старуха нахлестывает пегого быка, /они/ стали быстро удаляться, но тут тележная ось сломалась. Когда ось сломалась (tengeli ququs otba. Tengeliben ququraqdaju), решили бежать пешими в лес, но тут их настигли те самые воины <...> (§ 101)

Наши наблюдения над монголоязычной эпикой показывают, что подхват — характерная стилевая примета устного повествования, а именно сказительства. В становлении его как стилового приема свою роль сыграла, по-видимому, особенность механизма памяти при устной передаче значительного объема информации, в нашем случае — воспоминаний о «днях минувших». Повтор конца фразы в начале следующей служил при этом своеобразной мнемонической опорой, помогая не терять нить

²⁷ Т. е. с тонким, как стрела, хвостом — о захудалой лошади, кляче.

повествования, «плавно» переходить от одного события к другому, от одной темы к другой. Вместе с тем такой повтор обуславливал преемственную соотнесенность последовательно освещаемых событий, сообщая изложению стройность и «исчерпанность» темы.

Приведенные соображения (вкупе с другими обстоятельствами, здесь специально не рассматриваемыми) дают основание утверждать, что текст «Тайной истории» не писался, а диктовался анонимным автором, т. е. запись велась со слов человека, видимо не знавшего грамоты или не особо искусственного в ней. Причем автор входил в круг близких Чингису людей, был непосредственным участником (или по крайней мере очевидцем) многих описываемых событий. Именно *многих*, потому что большинство событий, связанных с Чингисом, описано в «Тайной истории» обстоятельно, со знанием дела, образным, выразительным языком, с упоминанием таких подробностей, которые запоминаются только их очевидцу²⁸. При этом автор часто прибегает к излюбленному стилевому приему — словесному повтору на стыке фраз. Такой повтор носит регулярный характер особенно в батальных эпизодах. Вот один из них:

(§ 171) «Уруты, Мангуты будут сражаться впереди Чингис-хагана²⁹, *во главе /войска/ ³⁰, — сказал Джурчедай. Так сказав, Джурчедай (Jurgēdai <...> keejūui. Tein keet Jurgēdai) и Хуилдар стали своих Урутов, Мангутов строить впереди Чингис-хагана в боевые порядки. Когда строили их (Jasaju baiba. Baiqui-lua), противник во главе с Джиркинцами приблизился /к ним/. Как только приблизился (kirčū ireba. Irekui-lue), Уруты, Мангуты, бросившись навстречу, смяли Джиркинцев. Смяв (daguba. Daguju), устремились вперед, тут Ачиг-Ширун /во главе/ Тумен-Тубекенцев бросился на /них/. Бросившись (dobtulba. Dobtulu), Ачиг-Ширун пронзил /копьем/ Хуилдара, сбросил /с коня/; Мангуты *обступили своего Хуилдара³¹. Джурчедай, бросившись со своими Урутами на Тумен-Тубекенцев, смял /их/. Смяв (daguba. Daguju) и двигаясь дальше, бросился против Олоан-Дунгайцев. Джурчедай³² и Дунгайцев смял. Когда, смяв /их/ (daguba. Daguju), устремился вперед, /на него/ напал Хори-Шилемун-тайджи с тысячью тургаудами³³. Джурчедай смял, отбросил назад и Хори-Шилемун-тайджи, и, когда устремился вперед, Сангун без согласия Ван-хана³⁴ бросился на него, но, раненный в нарумяненную щеку, Сангун тут же упал. Когда Сангун упал (Saḡgun <...> uḡajuḡ. Saḡgūni uḡaḡaju), все Керенты обступили Сангуна. Мы смяли их; когда солнце заходило за хребты /гор/, обступили упавшего раненого Хуилдара, подняли /его/... Оторвавшись /от противника/, заночевали. (§ 172) Переночевали (ḡopoba. (§ 172) Baiju ḡopaju); когда занялся день, произвели учет /войска/.

²⁸ В то же время другие события, в том числе крупномасштабные, определявшие жизнь и судьбы целых народов, вовлеченных в орбиту монгольских завоеваний, в «Тайной истории» упоминаются мимоходом.

²⁹ См. примеч. 16.

³⁰ Именно «во главе» — в головной части войска.

³¹ Тем самым они не давали противнику приблизиться к раненому командиру. См. примеч. 16.

³² Здесь, как и во многих других местах «Тайной истории», под именем предводителя понимается возглавляемое им войско (или родо-племенной коллектив).

³³ Тургауды (от тюрк. tur- 'стоять') — личная охранная гвардия (дневная стража) предводителя крупного племени, племенного союза и т. д.

³⁴ Ван-хан — отец Сангуна, предводитель Керентов.

Завершая раздел о словесном повторе на стыке фраз, заметим, что перевод «Тайной истории» (как и любого другого памятника монголоязычной словесности) должен передавать и его стилевые особенности, в том числе подхват. Мы не призываем «подгонять» при этом синтаксис русских фраз под синтаксис монгольских во всех случаях повтора конца одного предложения в начале следующего. В переводе возможна перестановка слов:

Получив это известие, Чингис-хаган *отправил /его/, с тем чтобы *это известие получил* и Ван-хан (в оригинале: Ван-хану отправил получить это известие). *Получив известие (в оригинале: известие получив), Ван-хан поднял войско, поспешно прибыл к Чингис-хагану (§ 141).

Важно, чтобы при переводе связанных подхватом фраз повторяющиеся слова сохранялись, а не подменялись синонимичными. Такая подмена разрушает стройность изложения, делает его «рыхлым», обезличивает оригинал, лишая его стилевой характеристики. Для сравнения процитируем отрывок из § 141 в переводах С. А. Козина и Н. П. Шастиной (с. 112): «Получив это известие, Чингис-хан передал его Ван-хану, а тот немедленно поднял войско и прибыл к Чингис-хану»; «Получив такое известие, Чингис-хаган послал уведомить об этом Онг-хагана. Получив эти вести, Онг-хаган поспешил со своими воинами на встречу Чингис-хагану и прибыл».

* * *

Рассмотренные стилевые явления характерны и для последней историографической традиции монголов. Освещение других художественно-стилевых особенностей «Тайной истории» будет продолжено в других наших работах.

- Бичурин, 1950.— *Бичурин Н. Я. (Иакинф)*. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.—Л., 1950.
- Карпини, 1957.— Иоанн де Плано Карпини*. История монгалов.— Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
- Козин, 1941.— *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongγol-un niγuca tobγiyan*. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник. Т. 1. Введ. в изучение памятника, пер., тексты, глоссарии. М.—Л., 1941.
- Кудияров, 1982.— *Кудияров А. В.* Вопросы стиля калмыцкого эпоса «Джангар» в свете тюркоязычной эпической традиции.— Изв. АН Казахской ССР. Сер. филол. А.-А., 1982, № 3.
- Кудияров, 1983.— *Кудияров А. В.* Художественный стиль калмыцкого эпоса «Джангар» и вопросы его исторической интерпретации. Канд. дис. М., 1983.
- Кудияров, 1984.— *Кудияров А. В.* Художественно-стилевые закономерности эпоса монголоязычных народов.— Фольклор: Образ и поэтическое слово в контексте. М., 1984.
- Рашид ад-Дин, 1952.— *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.—Л., 1952.
- Шастина, 1973.— *Лубсан Данзан*. Алтан тобчи («Золотое сказание»). Пер. с монг., введ., коммент. и прил. Н. П. Шастиной. М., 1973.